

ФОРМИРОВАНИЕ РАЗНОЧИНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИИ В 40-х ГОДАХ XIX в.

В. Р. ЛЕЙКИНА-СВИРСКАЯ

Кризис феодально-крепостнической формации во второй четверти XIX в. сопровождался ускоренным процессом складывания интеллигенции, необходимой во всяком капиталистическом обществе¹, «без которой немислимо современное капиталистическое производство»². Назревшая потребность ликвидации крепостнических отношений была основой для возникновения буржуазно-демократической идеологии. Носителями этой идеологии и были представители разночинской интеллигенции.

В. И. Ленин противопоставлял разночинскую интеллигенцию капиталистического общества дворянской интеллигенции и по характеру и по происхождению. Он характеризовал разночинскую интеллигенцию как «образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству»³.

Но в период, когда буржуазная по своему характеру интеллигенция еще только складывалась в особый общественный слой, что интенсивно происходило в 40-х годах, она состояла не только из одних образованных разночинцев, которых тогда было еще мало, но и из элементов дворянского сословия, рамки которого, в исторических условиях того времени, уже перестали совпадать с классом помещиков-крепостников.

В числе элементов дворянского сословия, пополнявших буржуазную интеллигенцию, была молодежь деклассированных и обуржуазившихся дворянских семей, выбитых из колеи помещичьего быта кризисом феодально-крепостнического строя. По выражению Герцена, умственный труд становился источником существования не только для выходцев из низов, как это велось издавна, начиная с XVIII в., но и для «дворянского пролетариата чиновников и безземельных дворян»⁴. Своеобразный разсословный состав интеллигенции предреформенного времени являлся переходной ступенью в развитии бессословной интеллигенции будущей капиталистической России.

Одним из отрядов разночинской интеллигенции было чиновничество. Армия русского чиновничества, отмечал Ленин, была буржуазной «и по своему историческому происхождению, и по своему современному источнику, и по своему назначению»⁵.

Верхи русской бюрократии, высшие и отчасти средние чиновники административного аппарата в огромном большинстве рекрутировались из поместного дворянства, что налагало ярко крепостнический отпечаток на всю деятельность бюрократии. Но мелкое министерское чиновничество пополнялось в значительной мере из рядов деклассированного дворян-

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 202.

² В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 7.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223.

⁴ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. 5, Пг., 1915, стр. 356.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 400.

ства и, по выражению того времени, из «сословия чиновного дворянства», т. е. из выслужившихся разночинцев, которые, несмотря на дворянское звание, продолжали по существу оставаться разночинцами.

Белинский обратил внимание на то, что «чиновническое сословие» «играет в России роль химической печи, проходя через которую люди мещанского, купеческого, духовного и, пожалуй, дворового состояния теряют резкие и грубые внешности этих сословий и, от отца к сыну, вырождаются в сословие бар», т.е. людей, избавленных от необходимости физического труда. Он отмечал, что для сыновей чиновников специальности умственного труда легче и доступнее, чем для непосредственных выходцев «из мужиков, из купцов, из духовного звания»⁶.

Дворянско-чиновническая прослойка интеллигенции в известной мере сливалась с образованными разночинцами, выходившими из общественных низов, — детьми непривилегированного чиновничества, военных, не выслуживших дворянского чина, мещанства, купечества, мелкого духовенства, — пробивавшимися к образованию, как к источнику существования. Такие массовые профессии умственного труда, как учителя, врачи, заполнялись разночинцами, а артистические профессии в крепостническом обществе почти полностью оставались достоянием не только разночинской, но и крепостной интеллигенции.

Процесс складывания разночинской интеллигенции принял отчетливые формы в 30 и 40-х годах XIX в., хотя начало его относится к более раннему времени. Именно в эти годы он может быть прослежен и подтвержден с достаточной убедительностью. Целью настоящей статьи и является выяснение этого процесса, а также характеристика некоторых факторов, влиявших на формирование демократических настроений в среде интеллигенции. Тема эта в целом еще не освещалась в советской историографии, хотя ее и касаются исследователи революционного движения и общественной мысли того времени.

Сословная система среднего и высшего образования, господствовавшая в крепостной России, преграждала путь к образованию для народных масс. Но уже в XVIII в. в некоторые дворянские учебные заведения допускались разночинцы. В 30 — 40-х годах, вопреки дворянским привилегиям, разночинцы отвоевывали себе все больший доступ к образованию. В этом выражалась одна из черт капиталистического развития, требовавшего демократизации интеллигенции. Все возрастающая потребность общества в образованных кадрах заставляла сословную систему образования приспособляться к новым условиям.

С одной стороны, расширялась сеть дворянских привилегированных учебных заведений, выпускавших командные кадры, военные и административные, для государственного аппарата. Начиная с 30-х годов XIX в. значительно расширилась сеть военных корпусов, доведенная в конце 40-х годов до двух десятков и продолжавшая расти. Корпусные штаты охватывали около 7 тыс. кадетов и выпускали ежегодно до 500 офицеров⁷, из которых наиболее обеспеченные, а в известной мере и наиболее способные, отбирались в гвардию.

Кроме Царскосельского Лицея (в 1844 г. переведенного в Петербург и получившего название Александровского), который имел общеобразовательную программу и выпускал гражданских чиновников, преимущественно для Министерства внутренних дел, в 1835 г. было создано новое,

⁶ В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах, т. 2, М., 1948, стр. 834—835.

⁷ Цифры указаны Я. И. Ростовцевым в «Наставлении военно-учебным заведениям», СПб., 1849. В 1854 г. штаты по 22 корпусам достигли 8288 мест при наличии 7751 воспитанника (П. В. Петров. Главное управление военно-учебных заведений, ч. II, СПб., 1907, стр. 141). Выпуск офицеров из военно-учебных заведений не покрывал потребностей армии: перед Крымской войной эти заведения давали лишь 1/3 числа офицеров, необходимых для армии. (См. А. Редигер. Комплектование и устройство вооруженной силы, изд. 3, СПб., 1900, стр. 234.) Общая численность офицеров на 1 января 1851 г. составляла 26.763 человека. (См. письма А. В. Головинина к Н. В. Ханькову. «Исторический архив», т. V, стр. 367.)

предназначенное лишь для родовитого дворянства заведение — Училище правоведения, готовившее чиновников-юристов для Министерства юстиции. И Лицей и Училище правоведения обладали исключительными привилегиями: юристы выпускались с правом на чин IX класса (титулярного советника), этот же чин давался и окончившим по первому разряду Лицей, приравненный в правах к российским университетам. Однако наряду с этими привилегированными рассадниками высших чиновников, Ярославское Демидовское училище готовило к административной службе не только дворян, но и разночинцев. В этом училище, с 1834 г. получившем статус лицея, по данным, относящимся к периоду до 1834 г., в общем числе студентов дворяне составляли лишь немногим больше половины⁸.

С 30-х годов создавалась новая расширенная сеть гимназий. Преобразование гимназий проходило под флагом укрепления их дворянской сословности. До реформы гимназий по новому уставу 1828 г. в них насчитывалось свыше $\frac{2}{5}$ учащихся разночинцев, а если взять только русские учебные округа, без польских и прибалтийских губерний, то пропорция будет даже обратная: число разночинцев (2030) превышало число дворян (1484). В новой сети гимназий общий процент учащихся разночинцев уменьшился примерно до 20%⁹. Это уменьшение подтверждается и данными, относящимися к части гимназий за 1833, 1843 и 1853 гг.¹⁰ Однако при увеличении числа гимназий (в 1849 г. их насчитывалось 77 с 19 428 учащимися)¹¹ росло и абсолютное число учащихся разночинцев. Кроме того, надо иметь в виду, что число учитываемых разночинцев являлось заниженным, так как дети чиновников писались обычно в одной рубрике с дворянами, между тем как родители многих из них были разночинцами.

Несмотря на культивировавшиеся крепостническим правительством дворянские привилегии в области образования, гимназии являлись все же некоторым шагом по пути превращения сословной школы в классовую, в которой, как указывал Ленин, «образование одинаково организовано и одинаково доступно для всех *имущих*»¹². Характерно, что с конца 30-х годов средством сокращения неудержимого притока разночинцев в гимназии стали служить уже не только меры административного запрета, но и введение и повышение платы за обучение. Министр народного просвещения Уваров в 1844 г. с сокрушением отмечал, что в высших и средних учебных заведениях «чрез меру умножился прилив молодых людей, рожденных в низших слоях общества», для которых высшее образование составляет «лишнюю роскошь»¹³.

Наступление разночинцев на дворянские гимназии ярко подтверждают меры правительства, которое, одновременно с развитием сети новых гим-

⁸ К. Головшиков. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803—1886 гг.), Ярославль, 1887, стр. 92. Из общего числа воспитанников за 1805—1834 гг. в 729 человек дворян было 377, обер-офицерских детей — 211, духовного звания — 79, разночинцев — 62.

⁹ Подсчет по Петербургскому, Московскому, Харьковскому и Казанскому округам сделан по данным, приведенным у И. Алешинцева («История гимназического образования в России (XVIII—XIX вв.)», СПб., 1912, стр. 115). До реформы гимназий, в 1826 и 1827 гг., в составе учащихся было 55,3% дворян, 16,9% детей чиновников и приказных и 27,8% разночинцев (А. Г. Рашин. Грамотность и народное образование в России в XIX — начале XX в. «Исторические записки», т. 37, 1951, стр. 72).

¹⁰ В 1833, 1843 и 1853 гг. в тех гимназиях, о которых имеются сведения, дети дворян и чиновников соответственно составляли — 78,9, 78,7 и 79,7%, а дети духовенства и податных сословий 21,1, 21,3 и 20,3% (А. Г. Рашин. Указ. ст., стр. 72). По данным Петербургского округа, в 1853 г. в гимназиях округа училось 2265 дворян (80%) и 566 человек остальных сословий (20%). (А. Воронов. Историческо-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год, СПб., 1854, стр. 285.)

¹¹ См. «Материалы для истории и статистики наших гимназий». «ЖМНП», 1864, № 2, отд. 2, стр. 365.

¹² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 432.

¹³ «ЖМНП», 1864, № 3, отд. 2, стр. 557.

назий, проводило политику дальнейшего обособления привилегированных дворянских школ в форме размножения благородных пансионов — «дворянских институтов» (к концу 40-х годов было открыто уже 47 таких пансионов)¹⁴ и создания особых привилегированных гимназий. Так, в Петербурге привилегированной гимназией была Первая гимназия, строго закрытое учебное заведение для потомственных дворян, с небольшим числом учащихся. До 1849 г. она была единственной гимназией, дававшей выпускникам (проходившим греческий язык) право на чин XIV класса, т. е. прямой доступ на государственную службу. Подавляющее большинство оканчивавших ее поступало в университет¹⁵. Зато Вторая петербургская гимназия принимала детей разночинцев и купцов и количество недворян в ней было выше среднего, доходя до 24% и более¹⁶. Третья петербургская гимназия имела еще более демократический состав, принимая бедняков, лиц из податных сословий. Возникнув на базе Учительского института (открытого в 1819 г.), она сохраняла педагогический профиль и первоначально готовила учителей для низших школ. Из ее выпускников также очень большой процент поступал в высшие учебные заведения. В открытой в 1839 г. Третьей московской гимназии большинство учащихся принадлежало к купцам, мещанам и крестьянам¹⁷.

Демократический характер имели гимназии провинциальные. Так, в Пензенской гимназии в 1844/45 учебном году дети дворян и чиновников не превышали $\frac{2}{3}$ числа учащихся¹⁸. В Нижегородской гимназии было не больше $\frac{1}{3}$ «барских детей». Учившийся в ней П. П. Боборыкин утверждал, что эта гимназия в конце 40 — начале 50-х годов была демократическим заведением¹⁹.

Нужда в чиновниках вынудила правительство, заграждавшее разночинцам доступ в гимназии²⁰, открыть тем же разночинцам, оканчивавшим гимназии, прямой доступ на государственную службу. Право на выпуск с чином XIV класса, что, как мы видели, еще недавно считалось особой привилегией одной из чисто дворянских гимназий, в 1849 г. было дано всем гимназиям и сопровождалось введением бифуркации, т. е. специализации учащихся по двум разным направлениям, — не только для подготовки к высшему образованию, как было прежде, но и для вступления на государственную службу.

Приток разночинцев из гимназий повышал удельный вес разночинцев в составе слушателей университетов. Чрезвычайно показателен тот факт, что процент разночинцев среди студентов превышал их процент среди гимназистов. Так, в Петербургском университете на 1 января 1853 г. числилось из 424 учащихся — 299 дворян и 125 (т. е. почти 30%) прочих²¹. Очень любопытную кухню официальной статистики приоткрывает нам статья известного реакционера И. И. Давыдова, помещенная в «Современнике» в 1849 г. Эта статья была им написана в защиту университетов по поводу намеченного сокращения штатов учащихся; автор ставил целью доказать, что университеты вполне благонадежны и что они являются рассадниками именно дворянского просвещения. Ему ничего не стоило

¹⁴ И. Алешинцев. Указ. соч., стр. 137.

¹⁵ Д. Н. Соловьев. Пятидесятилетие С.-Петербургской Первой гимназии, 1830—1880, СПб., 1880. Из Первой гимназии в университет вышли петрашевцы Д. Ахшарумов, И. Дебу, А. Ханьков.

¹⁶ «Историческая записка 75-летия С.-Петербургской Второй гимназии», ч. 2, СПб., 1894, стр. 388.

¹⁷ Н. Аничков. Историческая записка 50-летия Третьей С.-Петербургской гимназии, СПб., 1873; «История Москвы», т. III, М.—Л., 1954, стр. 466.

¹⁸ П. П. Зеленецкий. Исторический очерк Пензенской 1-й гимназии с 1804 по 1871 г., Пенза, 1889, стр. 100.

¹⁹ П. П. Боборыкин. За полвека, М.—Л., 1929, стр. 16.

²⁰ В 1845 г. Николай I написал на докладе Уварова: «Сообразить, нет ли способов затруднить доступ в гимназии для разночинцев» (И. Алешинцев. Указ. соч., стр. 144).

²¹ А. Воронов. Указ. соч., стр. 285.

показать рост числа дворян-студентов по сравнению с прежним временем, когда большинство студентов еще выходило из воспитанников духовных семинарий и академий. Но противопоставляя студентов дворян и детей чиновников студентам из духовного звания, Давыдов сбрасывал со счета других разночинцев, число которых, однако, легко восстановить по его итоговым данным, относящимся, очевидно, к 1848/49 г. Давыдов указывал, что в Петербургском университете из общего числа 653 студентов было 405 дворян, 77 сыновей чиновников и 19 из духовного звания. Следовательно, он умалчивал о 152 других разночинцах, что в общей сложности составит 248 разночинцев, т. е. около 38%. В Казанском университете он насчитывал, при общей цифре 325 студентов, 141 — дворянина, 78 — сыновей чиновников и 18 — из духовного звания, т. е. опять-таки пропускал 88 разночинцев. Между тем 184 разночинца составляют почти 56% общего числа казанских студентов. Для всех университетов он приводил суммарную цифру студентов — 3937, из них дворян и чиновников — 2506 и из духовного звания — 279, следовательно оставалось еще 1152 разночинца, т. е. в общей сложности свыше 37% ²².

В дополнение к этим данным приведем недавно опубликованные сведения о соотношении дворян и разночинцев в Московском университете. В 1836 г. из общего числа учащихся 441 человек дворян было 179 (40,6%), а в 1848 г. из 1329 учащихся дворян было 578 (43,4%), а в числе остальных — 128 обер-офицерских детей, 122 детей купцов, 108 мещан, 98 из духовенства и 295 прочих ²³.

Велик был процент разночинцев и в Главном педагогическом институте, открытом в 1829 г., для которого первые кадры студентов набирались непосредственно из духовных семинарий.

В эти же годы был создан и преобразован ряд технических училищ, предназначавшихся для подготовки технических кадров из разночинцев: Практический технологический институт в Петербурге (открыт в 1831 г.), Межевой институт в Москве (1835), Строительное училище в Петербурге (1842) и др. Так, в Технологический институт, который должен был готовить людей, «имевших достаточные теоретические и практические познания для управления фабриками и отдельными частями оных», воспитанников должны были направлять городские думы из детей купцов 3-й гильдии, мещан, цеховых и разночинцев, преимущественно из сирот и бедных семей. Успешно оканчивавшие учение получали звание ученых мастеров и исключались из подушного оклада. Характерно, что уже в 1849 г. это звание было заменено званием «инженера-технолога» ²⁴.

Преобразованный в 1834 г. из Горного кадетского корпуса Институт корпуса горных инженеров предназначался для детей инженеров и высших чиновников горного ведомства. Но с 1848 г. одна треть вакансий была предоставлена для детей низших чиновников и даже для «посторонних лиц недостаточного состояния». Выпускаемые горняки получали звание чиновников XIII и XIV классов ²⁵.

Образованные разночинцы начинали постепенно заполнять арену умственного труда в стране. Мы не имеем точных статистических данных о процессе пополнения кадров разночинской интеллигенции. Но этот вопрос может быть косвенно освещен на основании сведений о количественном росте работников умственного труда, причем этот рост следует рассмотреть с двух сторон: во-первых, как рост числа людей с высшим образованием и, во-вторых, как рост служебных кадров интеллигенции.

²² «О назначении русских университетов и участие их в общественном образовании». «Современник», СПб., 1849, № 3, стр. 45.

²³ «История Московского университета», т. 1, М., 1955, стр. 117.

²⁴ «Краткий исторический очерк о С.-Петербургском Практическом технологическом институте (1828—1878)», СПб., 1878, стр. 105.

²⁵ А. Л о р а н с к и й. Исторический очерк Горного института, СПб., 1873, стр. 101—104, 116.

Ответ на первый вопрос дают сведения о выпусках высших учебных заведений разных ведомств. В 1846 г., для которого имеются данные в отчете министра народного просвещения Уварова, было выпущено из десяти высших учебных заведений этого Министерства 365 человек, окончивших курс по гуманитарным специальностям, и 356 медиков, не считая небольшого количества лиц, произведенных в высшие ученые степени²⁶. Специалисты выпускали также, хотя в значительно меньшем количестве, училища других ведомств — Училище правоведения, Морской кадетский корпус, Институт корпуса горных инженеров, Медико-хирургическая академия и ряд технических учебных заведений.

Хотя число заканчивавших обучение далеко не совпадало с числом учившихся, но все же на росте выпускников должно было отражаться возрастание числа студентов. А возрастание это шло быстрыми темпами. Так, с 1836 по 1848 г. число учащихся в шести университетах увеличилось вдвое, с 2002 до 4016 человек²⁷.

В крепостнической стране образование имело значение служебной привилегии, ступени в чиновничьей карьере. Окончившие высшие учебные заведения со званием действительного студента получали чин XII класса, со степенью кандидата — чин X класса. Сын откупщика Б. Утин, готовясь в 1848 г. к вступлению в университет, размышлял, что «не всякому дала судьба несколько сот душ», чтобы идти в университет из одной любви к науке; «при известных условиях должно смотреть на университетское звание как на ремесло, которое бы впоследствии могло нам доставить честный кусок хлеба». На любом факультете, полагал он, приобретается «капитал, который даст верные проценты»²⁸.

Удельный вес пополнений, вливавшихся в ряды интеллигенции в 40-х годах, наглядно виден при сравнении даваемой Уваровым общей цифры выпускников за один 1846 г. с цифрами за длительные периоды, имеющимися по отдельным университетам. Так, Московский университет за 29 лет (1825—1854) выпустил около 4000 человек (2551 по гуманитарным специальностям и 1442 лекаря). В Петербургском университете за 34 года (1819—1853) окончило курс 1675 человек, из них всего 115 до 1831 г. Главный Педагогический институт за 30 лет (1829—1859) дал стране 639 учителей, не считая 43 преподавателей высших учебных заведений²⁹. В 1846 же году, как мы видели, было выпущено по Министерству народного просвещения сразу 700 человек.

Вопрос о занятости образованных кадров может быть освещен на основании данных о штатах учреждений, пользовавшихся трудом интеллигенции и создававших спрос на него. Этот вопрос очень мало изучен, и мы, конечно, не претендуем на исчерпывающее его освещение.

Особенностью крепостнического общества было то, что почти все области умственного труда должны были обслуживать государственный аппарат. Казенная служба была почти единственным местом приложения интеллигентного труда: чиновниками были педагоги, врачи, художники и даже артисты. В то время «кто только состоял в живых, непременно состоял в чиновниках, если не сподобился состоять в офицерах», писал

²⁶ В этот подсчет входят шесть университетов, Педагогический институт и три лицей. Отчет Уварова используем по «Современнику», где он напечатан в извлечениях (1847, № 8, Смесь, стр. 109 и сл.).

²⁷ В. С. Иконников. Русские университеты в связи с ходом общественного образования. «Вестник Европы», 1876, № 11, таблица числа студентов. По другим источникам, общая цифра студентов в 1848 г. исчислялась в 4566 человек (А. Г. Небольсин. Историческо-статистический очерк общего и специального образования в России, СПб., 1884, стр. 47). За предыдущие годы общая цифра студентов была в 1846 г. 4339 человек и в 1847 г. — 4144 человека (Отчет Уварова за 1847 г. «ЖМНП», 1848, № 4).

²⁸ ФЦГВИА, ф. 9, д. 55, 1849, ч. 16, лл. 127—127 об. Учебная тетрадь Б. И. Утина.

²⁹ С. Шевырев. История императорского Московского университета, М., 1855, стр. 575; А. Воронов. Указ. соч., стр. 49; «Краткое историческое обозрение действий Главного Педагогического института (1828—1859)», СПб., 1859, стр. 17.

сверстник петрашевцев П. М. Ковалевский. «Бюрократия и военное ведомство завербовывали всю интеллигенцию и помимо государственной службы не было для интеллигентного человека никакого пути, чтобы жить своим трудом», вспоминал В. В. Берви-Флеровский³⁰. Но чтобы попасть в чиновники, надо было заручиться неизбежной при крепостнических отношениях «протекцией». Студент-петрашвец А. Толстов говорил: «Кончивши курс, выходишь, нет протекции и денег, места в должность все заняты, а на способности никто не обращает внимания»³¹.

Прикладная роль образования ярко отражалась в преобладающем стремлении студентов к юридической специальности. Юридические факультеты, получившие по новому университетскому уставу, самостоятельное существование, имелись в каждом университете, тогда как наличие других факультетов варьировалось. Численное преобладание юристов можно легко проследить по данным Петербургского и Московского университетов. С 1836 г. юридический факультет Петербургского университета выпускал примерно вдвое больше, чем все остальные факультеты вместе взятые, а с 1845 г., когда он расширился, разделившись на разряды юридических и камеральных наук, преобладание юристов еще более усилилось³².

Московский университет за 18 лет (1836—1854) выпустил 802 юриста на 747 выпускников двух других гуманитарных факультетов³³. Хотя среди юристов было много дворян (кроме университетов, дворянская молодежь располагала, как уже отмечено, такими привилегированными юридическими учебными заведениями, как Училище правоведения и Лицей), образованные юристы составляли значительную часть и разночинской интеллигенции. Юридическая подготовка открывала разночинцам дорогу в чиновники различных министерств, Сената, в судебные должности, в чиновники губернных правлений и т. п.

Мы не располагаем точными данными о составе чиновничества того времени и о соотношении в нем дворянского и недворянского слоев. Однако несомненно, что подавляющее большинство здесь составляли мелкие канцелярские чиновники. О росте отряда разночинской интеллигенции в составе чиновничества можно судить косвенно, наблюдая огромный рост самой чиновничьей армии. В Петербурге, столице централизованной монархии с ее общеимперским аппаратом, по данным К. И. Арсеньева, число чиновников с 5416 человек в 1804 г. дошло до 13 528 человек в 1832 г., т. е. увеличилось в 2½ раза. В крупных министерствах чиновники насчитывались сотнями и тысячами³⁴. Общее число штатных чиновничьих мест по гражданскому ведомству составляло для 40-х годов около 35 тыс.³⁵

Конечно, мы ни в какой мере не можем подводить все образованное чиновничество под категорию интеллигенции, работников умственного труда. Крепостнические общественные отношения затрудняли доступ к подлинному умственному труду, вели к расточению умственных сил народа на поприще канцелярщины, губили массу способностей. Загнанная нуждой в чиновники, разночинская интеллигенция ненавидела этот посты-

³⁰ П. М. Ковалевский. Воспоминания о Е. П. Ковалевском. В кн. «Воспоминания Д. В. Григоровича», Л., 1928, стр. 308; В. В. Берви-Флеровский. Три политические системы, СПб., 1897, стр. 19.

³¹ ФЦИГВИА, ф. 9, л. 55, 1849, ч. 3, л. 22об.

³² В. В. Григорьев. Пятьдесят лет С. Петербургского университета, СПб., 1870. Список студентам и вольным слушателям, окончившим в С. Петербургском университете полный курс наук со степенью кандидата или званием действительного студента.

³³ С. Шевырев. Указ. соч., стр. 574.

³⁴ «Статистические сведения о Санкт-Петербурге», СПб., 1836, стр. 117. См. также список штатов учреждений (там же, стр. 118—119). В 1840 г. в Петербурге считалось служащих по гражданскому ведомству дворян 18 911 человек (включая их семьи). «Карманный указатель Санкт-Петербурга», СПб., 1841, стр. 42.

³⁵ Е. Карнович. Русские чиновники в былое и настоящее время, СПб., 1897, стр. 124.

лый, бесполезный для общества труд. «Уничтожить принуждение в выборе сбраза общественного служения» мечтал молодой Петрашевский и другие члены его кружка ³⁶. «Мне кажется, что самое несчастное существо есть мыслящий чиновник», — писал в 50-х годах Н. В. Шелгунов. «При скверном вообще положении русского человека в России самый счастливый тот, кто не служит...» ³⁷.

Среда учащейся молодежи, предназначенной в чиновники, даже в привилегированных дворянских заведениях, была проникнута оппозиционными настроениями. Об этом выразительно свидетельствует резкая критика самодержавия в юношеском дневнике начала 40-х годов правоведа В. Д. Философова, будущего генерал-аудитора, главы военной юстиции ³⁸. Петрашевский считал, что правоведа, «водимые духом времени,... инстинктивно составляют из себя чистейшую пропаганду, стараясь все действия административной власти представлять публике в черном виде». Правовед Н. П. Балин писал о «политическом, религиозном и нравственном нигилизме (разумеется в зародыше)» общем для всех правоведов 40-х годов ³⁹.

Одно из первых по численности мест в рядах разночинской интеллигенции занимали медики. Медицинские учебные заведения еще с XVIII в. заполнялись разночинцами и были наиболее доступны для них ⁴⁰. Основные кадры врачей выпускала Медико-хирургическая академия и медицинские факультеты пяти университетов (кроме Петербургского). Академия, в 1838 г. перешедшая в военное ведомство, ежегодно выпускала около сотни врачей. За период 1839—1856 гг. она произвела в различные медицинские степени и звания 1996 лиц ⁴¹. Медицинские факультеты в 1846 г. произвели в степени и звания 369 человек, т. е. столько же, сколько было выпущено высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения по всем остальным специальностям вместе взятым ⁴². Из Московского университета за 19 лет (1836—1854) вышло 958 лекарей, или свыше 38% всех выпускников. Медицинские факультеты не подвергались сокращению в период гонения на университеты, после 1848 г. По ежегодным данным «Российского Медицинского списка», в 40-х годах насчитывалось свыше 7 тыс. лиц, имевших право врачебной практики в России ⁴³.

По условиям своей работы медики, рассеянные одиночками по всей России, в большинстве стояли далеко от вопросов общественной борьбы. Но общественную физиономию немногих передовых людей, выходивших из этой среды, характеризует тот факт, что Герцен создал образ материалиста и гуманиста, скептически анализирующего «безумие» русско-

³⁶ «Дело петрашевцев», т. I, М.—Л., 1937, стр. 549; т. III, М.—Л., 1951, стр. 107, 271.

³⁷ Л. П. Шелгунова. Из далекого прошлого, СПб., 1901, стр. 74—75.

³⁸ См. А. В. Тыркова. А. П. Философова и ее время, Пг., 1915, стр. 50—51 и др.

³⁹ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 400; «Каторга и ссылка», М., 1930, № 2, стр. 88. На назидательную речь гр. Орлова, начальника III отделения, по поводу воспитания ее сына Ф. Петрашевская наивно отвечала: «Ваше графское сиятельство! Сын мой, пока был дома, был богобоязлив и почитал родителей, а всему этому он нахвтался уже в казенных заведениях!». На это блюститель официальной идеологии «разразился смехом», конечно, войдя в свой кабинет (И. П. Липранди. Введение по делу Петрашевского. Отдел рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина, ф. ОИДР. № 221/3, лл. 33 об., 34).

⁴⁰ Указом Сената 29 ноября 1819 г. разрешено было принимать в число казеннокоштных студентов-медиков молодых людей из податных сословий и увольнять их из подушного оклада при получении ими врачебного звания. «Журнал департамента народного просвещения», СПб., 1821, ч. 3, стр. 234—235.

⁴¹ «История императорской Военно-медицинской академии за сто лет», СПб., 1898, Таблица на стр. 491.

⁴² Отчет Уварова за 1846 г. «Современник», 1847, № 8, Смесь, стр. 109.

⁴³ «Российский медицинский список» издавался медицинским департаментом Министерства внутренних дел на каждый год. По архивным данным, опубликованным А. С. Нифонтовым, в 1850 г. в России имелось 7954 врача, 132 окулиста и дантиста и 552 ветеринара (А. С. Нифонтов. Россия в 1848 году, М., 1949, стр. 27).

го крепостнического строя, в лице доктора Крупова, «инспектора врачебной управы».

Медицинская среда дала яркие примеры появления потомственной разночинской интеллигенции. Примеры эти мы видим в семьях Белинского, Достоевского, Петрашевского. Отец Белинского был разночинец, получивший звание лекаря в 1810 г. и выслуживший чин коллежского ассесора, т. е. потомственное дворянство, в 1830 г., когда сын его уже учился в университете. Отец Достоевского, сын священника, с 1812 г. лекарь, с 1821 г. врач московской Мариинской больницы, выслужил потомственное дворянство и оставил детям небольшое имение. Сыновья его учились в военно-технических училищах. Отец Петрашевского происходил, вероятно, из украинского беспоместного дворянства, в формулярном списке писался «из дворян». Жизнь его была жизнью типичного разночинца, всем обязанного самому себе и своим выдающимся способностям. Первоначально он учился в Полтавской духовной семинарии, затем выбрал карьеру врача и перешел в Медико-хирургическую академию. В 1821 г. он получил высшую ученую степень доктора медицины и хирургии. Он дослужился до чина действительного статского советника и оставил детям небольшие имения и каменный дом. Сын его учился в Лицее, дочери — в Смольном институте.

Крупный отряд разночинской интеллигенции составляли педагоги. Педагогическая профессия, так же как и медицинская, являлась весьма распространенной среди разночинцев отраслью умственного труда.

Преподавательский труд находил широкий спрос в системе высших, средних и низших учебных заведений Министерства народного просвещения, в военизированных учебных заведениях. Кроме того, в большом количестве использовался труд домашних учителей.

О размерах спроса на преподавательский труд можно судить на основании штатов учебно-административного персонала различных ведомств 40-х годов. По отчету Уварова, в учебных заведениях Министерства народного просвещения в 1846 г. было 6167 человек «учащих и должностных лиц».

Большой рост потребности в учителях виден на примере Петербургского учебного округа: здесь количество учебно-административного персонала за 24 года (с 1829 по 1853) выросло в 3,5 раза. Значительная часть этих кадров обслуживала низшие училища, однако большая часть их приходилась на среднюю и высшую школу. По данным, относящимся к 1853 г., соотношение между персоналом низших школ (1052 человека) и средних и высших школ (1237 человек) здесь равнялось 46 и 54% ⁴⁴. Это соотношение может быть распространено, конечно приблизительно, и на другие учебные округа. При этом следует отметить, что учителя низших (приходских) школ, содержавшихся на средства городских обществ, по условиям своего существования сильно отличались от своих собратьев и редко могли удерживаться в рядах интеллигенции. «Учитель низших школ,— писал К. Арсеньев,— в России почитается принадлежащим к самой нижней степени граждан. Недостаточное и даже бедное его состояние делает его зависимым от каждого; многотрудные и однообразные его занятия при малых средствах к его содержанию нередко отнимают у него всю охоту к дальнейшему его усовершенствованию; предрассудки, укорененные против учительства, отчуждают его от общества» ⁴⁵.

Основные кадры педагогической интеллигенции сосредоточивались в немногих университетских центрах, главным из которых был, конечно, Петербург. А. Воронов в 1854 г. свидетельствовал, что в Петербургском округе «не было и нет недостатка в желающих для занятия учительских мест», и это давало возможность строгого выбора; в старшие учителя

⁴⁴ А. Воронов. Указ. соч., стр. 321.

⁴⁵ К. Арсеньев. Начертание статистики Российского государства, ч. I, СПб., 1818, стр. 211.

столичных гимназий принимались преимущественно кандидаты университетов ⁴⁶.

К преподавательским кадрам Министерства народного просвещения следует добавить кадры военно-учебных заведений. Число обслуживавших их учителей и воспитателей, по данным на 1854 г., составляло 1385 человек ⁴⁷. Типично разночинской интеллигенцией была также часть преподавателей духовных академий и семинарий, в которых давалось не только богословское, но и общее, правда довольно узкое, образование. По данным за 1844 г. в четырех духовных академиях и 45 семинариях было 629 преподавателей ⁴⁸. В эту среду также проникали передовые интересы эпохи; здесь также жадно читали Гоголя и следили за статьями Белинского и Герцена ⁴⁹.

Кроме преподавателей, обслуживавших казенные школы и частные пансионы, в 40-х годах было весьма распространено предложение учительского труда в форме домашнего учительства. Эта область притягивала множество разночинцев, пытавшихся найти средства существования умственным трудом. О трудностях, которые им приходилось преодолевать, говорит один из фактов, рассказанный А. Н. Плещеевым: московский попечитель «не удостоил учительского звания одного молодого человека, прекрасно выдержавшего экзамен, за то, что он по метрическому свидетельству оказался сыном дворовой девки!» ⁵⁰

Большинство из этих искателей (в числе их было много женщин) добивалось получить право первоначального обучения грамоте и арифметике, для чего они должны были проходить испытания при гимназиях. Желавшие получить звание домашних учителей должны были с 1836 г. подвергаться экзаменам при университетах. По отчету Уварова, в 1845 и 1846 гг. было выдано 729 и 765 свидетельств на звание домашних учителей разных разрядов. В одном Петербургском университете таких свидетельств было выдано с 1835 по 1853 г. 768 ⁵¹. Задачу подготовки гувернанток ставил открытый в Москве в 1837 г. Николаевский сиротский институт.

Значительная часть этой армии учителей-разночинцев стояла на низком профессиональном уровне в смысле образовательной подготовки и педагогической методики. Невежественное и дикое учительство провинциальных гимназий, кадетских корпусов и духовных семинарий, не говоря уже о школьной администрации, признававшей единственным методом воспитания порку, запечатлено во множестве литературных произведений и мемуаров, относящихся к 40-м годам. Но эта же среда разночинского учительства заключала в себе передовые элементы, людей, подготовленных русскими университетами и воспитанных прогрессивной демократической литературой.

О насыщенности педагогической среды 40-х годов квалифицированными силами позволяют судить данные о выпуске педагогов высшими учебными заведениями. Так, историко-филологический факультет Московского университета выпустил с 1836 по 1854 г. 294 человека, физико-математический — 453. Из воспитанников Петербургского университета с 1819 по 1853 г. вышло 14 директоров гимназий, 12 инспекторов гимназий, 120 учителей гимназий, 32 учителя уездных и реальных училищ, 518 преподавателей военно-учебных заведений. Из Главного педагогического института

⁴⁶ А. Воронов. Указ. соч., стр. 300.

⁴⁷ П. В. Петров. Указ. соч., стр. 141.

⁴⁸ «Ведомости о духовных учебных заведениях, учащихся и учащихся в них за 1844 г.». «ЖМНП», 1846, № 9, 3 отд., стр. 10.

⁴⁹ О кружке преподавателей Казанской духовной академии конца 40-х начала 50-х годов, в котором участвовал известный впоследствии публицист-демократ Г. З. Елисеев, см. Г. З. Елисеев. Соч., т. 1, М., 1894, стр. 14—15. Вступительная статья Н. К. Михайловского.

⁵⁰ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 294.

⁵¹ «Современник», 1847, № 8, Смесь, стр. 110. Право первоначального обучения в 1846 г. получили 1120 человек, из них 635 женщин (А. Воронов. Указ. соч., стр. 56).

за 30 лет вышло 377 учителей средних и 262 учителя низших школ. При одном Петербургском университете за 1835—1853 гг. держали испытание на звание учителей в казенных учебных заведениях 428 человек⁵².

Повышению качества учителей, кроме общих условий подъема общественной жизни в 40-х годах, способствовало также начавшееся в это время систематическое пополнение кадров высшей школы молодыми русскими учеными. После резкого скачка в этой области, достигнутого экстренной подготовкой новых ученых кадров в 1828—1842 гг.⁵³, дальнейшее производство в ученые степени приняло регулярный характер. По данным Уварова, в 1846 г. получили степень доктора 6 и степень магистра 12 человек, что примерно и являлось ежегодной средней нормой пополнения «ученого сословия».

Трудно выяснить состав кадров интеллигенции свободных профессий (литераторов, художников, артистов), развитие которых в самостоятельные отрасли общественного труда также сделало значительный шаг вперед. Численность этих кадров, сравнительно с другими, была еще очень невелика. Так, по некоторым сведениям, в 1837 г. в Петербурге насчитывалось около 70 литераторов⁵⁴. Однако вместе с подъемом демократической национальной культуры, удельный вес свободных профессий сильно вырос. В 40-х годах отмечается новое отношение общества к литературной профессии, отчасти связанное с тем, что она превратилась из дилетантского занятия одиночек в относительно хорошо оплачиваемую специальность. Петрашевец С. Ф. Дуров указывал, что теперь многие с гордостью носят имя литератора, живописца, музыканта; «каждый поймет, что эти люди совсем не ничтожнее почетного чиновника губернского правления»⁵⁵. К тому же и вознаграждение за этот труд было более высоким⁵⁶.

Вместе с тем в 40-х годах впервые в значительной мере развивается эксплуатация литературного труда торговым капиталом, издателями журналов и книгопродавцами. В этой области «сохраняются формы переходные к капиталистическому производству», в которых «эксплуатация труда достигает наивысшей степени»⁵⁷.

Нам хорошо знакомы взаимоотношения литераторов 40-х годов с издателями-промышленниками. Известно, как переживал Белинский эксплуатацию, которой подвергал его издатель «Отечественных записок» Краевский. В 40-х годах был возможен такой бытовой факт, как «кабальная» зависимость от Краевского писателя Я. П. Буткова, талантливого самоучки из мещан, описывавшего жизнь «того бедного класса столичного населения, которому можно присвоить название чиновного и умственного пролетариата»⁵⁸.

На собраниях Петрашевского в «толках об отечественной литературе» говорили не только о строгости цензуры, душившей литературу, но и об этой эксплуатации⁵⁹.

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что к 40-м

⁵² С. Шевырев. Указ. соч., стр. 574—575; А. Воронов. Указ. соч., стр. 105—106; «Краткое историческое обозрение действий Главного педагогического института (1828—1859)», стр. 17.

⁵³ Профессорский институт в Дерпте в 1828—1838 гг. подготовил 22 профессора; Главный Педагогический институт в 1836 и 1842 гг. посылал за границу 21 человека, получивших затем профессорские кафедры, а всего дал высшей школе 43 преподавателя, 14 юридических кафедр в 1835 г. были заняты профессорами из студентов духовных академий (А. Воронов. Указ. соч., стр. 292, 294, 295).

⁵⁴ Таково было число всех литераторов, начиная от И. А. Крылова и В. А. Жуковского до последнего фельетониста, приглашенных в 1837 г. на открытие новой типографии (И. И. Панаев. Литературные воспоминания, М., 1950, стр. 79).

⁵⁵ С. Дуров. Несколько слов о Н. И. Хмельницком (Н. И. Хмельницкий. Соч., т. I, СПб., 1949, стр. 4—5).

⁵⁶ В. С. Иконников. Русские университеты в связи с ходом общественного образования. «Вестник Европы», 1876, № 11, стр. 109—110.

⁵⁷ К. Маркс. Теория прибавочной стоимости, т. I, Партиздат, 1931, стр. 272

⁵⁸ А. П. Милюков. Литературные встречи и знакомства, СПб., 1890, стр. 105.

⁵⁹ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 191—192.

годам буржуазная интеллигенция в России (учителя, врачи, чиновники, деятели свободных профессий) являлась определенной общественной прослойкой, достигавшей численности в 15—20 тыс. Несмотря на своеобразный разнословный состав этой интеллигенции, ее основные черты складывались как черты разночинской интеллигенции, выраставшей на почве буржуазного развития страны.

Прослойка интеллигенции 40-х годов XIX в. не была и не могла быть идейно однородной. Когда В. И. Ленин писал: «В старые времена в России была революционной одна только интеллигенция»⁶⁰, он, конечно, не имел в виду интеллигенцию в целом. Он указывал лишь на то, что сознательные революционеры могли в те времена выходить только из рядов интеллигенции. Действительно, из рядов разночинской интеллигенции 40-х годов выходили люди, способствовавшие широкому распространению демократических освободительных идей. Герцен образно назвал распространение новых идей «открытой огромной конспирацией, проникавшей в душу без присяги», в которой неотвратимо «участвовало все». «Кто не были ее агентами? Студент, знавший на память стихи Рылеева, Полежаева и ехавший на кондичию в помещичий дом; лекарь, отправлявшийся на службу в дальний край; семинарист, приезжавший на вакационные каникулы в родное село; учитель, читавший словесность кадетам; и вся словесность, и все университеты, лицеи, духовные и военные академии, театры, корпуса» и т. д.⁶¹

Изучая процесс широкого распространения освободительных идей в 40-х годах, следует помнить, что новое мировоззрение не было готовым, всесторонне разработанным, отвечающим на все вопросы результатом общественного воспитания. Новое мировоззрение, еще не свободное от расплывчатых общепозиционных элементов, само необходимо очищалось и уточнялось только в борьбе со старым, традиционно внушенным, мнимым, неизблемым строем общественных понятий. В настоящей статье мы ни в какой мере не ставим задачу полностью осветить процесс идейного формирования демократической интеллигенции, источниками которого была окружавшая ее крепостническая действительность, с резкими противоречиями и классовыми конфликтами, и, с другой стороны, книги, помогавшие осмыслить и осудить эту действительность. Мы останавливаемся лишь на одной стороне этого процесса — на проникновении демократических идей в школу, вопреки всем препятствиям, которые воздвигала на их пути крепостническая система образования. Казенная школа стремилась быть фабрикой чиновников и офицеров, машиной для воспитания чиновничьего духа абсолютной преданности и покорности самодержавному строю. Но она не могла отгородиться от проникновения в ее стены запретных идей, подвергавших критике те устои, которые внушались ее официальными программами.

Принужденное отказаться от метода прямого, открытого подавления науки и просвещения, опыт которого уже в начале 20-х годов вызвал сопротивление общества, самодержавие искало более действенных методов внедрения реакционной идеологии, когда обучение необходимым знаниям могло бы совмещаться с запретом самостоятельного критического мышления. На этих методах и была построена система школьного воспитания, проводившаяся Уваровым. Воспитание в духе «православия, самодержавия и народности» было системой более или менее грубой фальсификации действительности.

Школа стремилась изолировать молодежь от реальных фактов классовой борьбы. Известный начальник штаба военно-учебных заведений Я. И. Ростовцев указывал, что главная задача воспитателей — поселать в кадетах равнодушие к идеям и событиям Запада, стараться «убедить их, что многое, пригодное в Европе, невозможно у нас», чтобы они «и мысли-

⁶⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 467—468.

⁶¹ А. И. Герцен. ПСС, т. 16, стр. 184, 180.

ли, и чувствовали, и любили государя по-русски, а не по-прусски или по-австрийски»⁶².

Идеалом Ростовцева являлся верноподданный юноша, который «честною службою, честною жизнью и честною смертью» отплачивает «государю за его благодеяния». В инструкции по изучению истории предписывалось внушать убеждение, что государственная жизнь России коренным образом отличается от Европы, что в России нет насильственных отношений между властью и подвластными, нет «нескончаемой борьбы сословий». «Все блага Россия принимает из отеческой руки государей, предупреждающих ее общественные потребности»⁶³. «При тогдашнем режиме и духе времени, — писал в своих воспоминаниях Д. А. Милютин, принимавший некоторое участие в составлении этой инструкции, — все, что делалось, писалось, говорилось, должно было более или менее носить на себе отпечаток лицемерия и фальши»⁶⁴.

Еще более выразителен смысл секретных внушений Министерства народного просвещения, сделанных в тот же период университетской администрации по поводу преподавания общественных наук.

В «Наставлении ректору и деканам юридического и первого отделения философского факультетов» 24 октября 1849 г. рекомендовалось бдительно следить за такими предметами, как «государственное право, политическая экономия, наука о финансах и все вообще исторические науки, возможность злоупотребления коих не подлежит сомнению». Не должно было допускаться не только порицание русского самодержавия, но и малейшее сомнение в его пользе и необходимости. Следовало «тщательно отсекаль в программах и в устном преподавании» «всякого рода попытки притязания пролетариев к общественной и частной собственности». Запрещалось сожалеть о состоянии крепостных крестьян, «говорить с превеличием о злоупотреблении власти помещиков», «доказывать пользу отмены крепостного права для государства»⁶⁵.

Подобные инструкции ясно свидетельствовали, что официальные программы преподавания уже начали превращаться в омертвевшую казенщину, что элементы демократической критики, если не прямо, то контрабандой разрушали эту догму, обличая лживость крепостнической надстройки.

М. Е. Салтыков и В. В. Стасов с насмешкой вспоминали, как профессора уголовного права проповедовали идеалистическую мораль, обосновывая телесное наказание кнутом «идеями правды и справедливости и утверждая, что ненаказанное преступление — есть оскорбление божеству!»⁶⁶.

Но следует отметить, что в это же время, в 40-х годах, в Казанском университете преподавал блестящий прогрессивный цивилист Д. И. Мейер, имевший огромное влияние на студентов, который отрицал вечность гражданских законов, воспитывал понимание права как науки «познания законов жизни действительной», изучающей материальные основы правовых отношений, и учил будущих юристов честному выполнению общественного долга⁶⁷.

⁶² П. В. Петров. Указ. соч., стр. 52.

⁶³ «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений», СПб., 1849, стр. 112.

⁶⁴ «Дневник Д. А. Милютина», т. I, М., 1947, стр. 15.

⁶⁵ Цит. по А. М. Скабичевскому. Очерки истории русской цензуры, СПб., 1892, стр. 341—343.

⁶⁶ В. В. Стасов. Избр. соч. в трех томах, т. 2, М., 1952, стр. 365. Училище Правоведения сорок лет тому назад, 1836—1842 гг.; М. И. Венюков. Из воспоминаний, кн. I, Амстердам, 1895, стр. 180. Воспоминания Стасова и Венюкова о профессоре законоведения Палибине; Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). ПСС, т. 14, Л., 1936, стр. 107.

⁶⁷ Г. Н. Вульфсон и Е. Г. Бушканец. Проникновение идей революционной демократии в Казанский университет накануне падения крепостного права в России. «Ученые записки Казанского государственного университета», т. 114, кн. 9, 1954, стр. 31—51.

В особо ограниченные рамки правительство стремилось втиснуть преподавание истории, тесно связанное с бдительно охраняемыми «устоями» в области социологии. Обычно изучение истории сводилось к заучиванию хронологии, облегчаемому дробной систематизацией фактов. В провинции довольствовались дословным зазубриванием устаревших учебников И. К. Кайданова по всеобщей и Н. Г. Устрялова по русской истории. Историк «безупречного консервативного направления» И. П. Шульгин, преподававший во многих столичных училищах, доводил свой курс до Венского конгресса (его предшественник И. Кайданов останавливался на воцарении Людовика XVI, не упоминая о Великой французской революции). Он «пережевывал перед нами события новой истории, — вспоминал М. И. Венюков, — никогда... из политического криводушия не доходя до самой новейшей»⁶⁸.

Но в то же время историк М. С. Куторга в Петербургском университете успевал обойти запрет официальной программы, лежавший на истории Французской революции. «Ох, жаль, да нечего делать», — говорил он улыбаясь, а затем отмечал прогрессивное историческое значение Французской революции, указывая на то, что она «есть в полном смысле социальная, изменившая французское общество и имевшая необыкновенное влияние на всю Западную Европу», и что законодательства других европейских государств были «произведением Французской революции»⁶⁹.

Нарушения программы имели место и в далекой провинции, где надзор над преподавателями был слабее. Например, в Омском кадетском корпусе историк Гонсевский подробно рассказывал кадетам о революции 1789 г.; по свидетельству Г. Н. Потанина, он «сделал из нас республиканцев»⁷⁰.

Один из лучших историков 40-х годов Т. Н. Грановский использовал в своих курсах анализ общественного быта античных республик для открытой пропаганды идей политической демократии. В лекциях по средним векам он осуждал крепостническое угнетение, подчеркивал историческое значение крестьянских восстаний. Грановский, по выражению Герцена, «историей делал пропаганду». Московский попечитель Строганов открыто заявлял Грановскому, что при его политических убеждениях он не может оставаться в Московском университете, что «им нужно православных», что «им нужна любовь к существующему», и требовал давать в лекции «апологии и оправдания» самодержавия⁷¹.

Официальная программа подозрительно относилась к истории республиканских демократий древнего мира, ибо античный республиканизм, по выражению Герцена, внушал «уроки гражданской добродетели», был «эстетической школой нравственности»⁷², соединяя воедино патриотизм с борьбой за свободу.

В литографированных записках Ф. Лоренца по всеобщей истории по поводу древней Греции утверждалось, что республика «обладает великою нравственною силою: потому что в ней всякий гражданин имеет право участвовать в государственном правлении и, следовательно, должен получить образование, достойное этого участия... Самые даже непрерывные возмущения и междоусобные войны, неразлучные с этим образом правления, споспешествуют быстрому развитию духа»⁷³.

⁶⁸ Воспоминания К. К. Арсеньева об Училище правоведения. «Русская старина», 1886, № 4, стр. 209; М. И. Венюков. Указ. соч. кн. 1, стр. 180.

⁶⁹ ФЦГВИА, ф. 9, д. 55, 1842, ч. 50, лл. 31—32. Студенческая запись лекций М. Куторги в 1842—1843 гг.

⁷⁰ Г. Н. Потанин. Встреча с С. Ф. Дуровым. Сб. «На славном посту», СПб., 1901, стр. 256.

⁷¹ «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, стр. 462.

⁷² А. И. Герцен. ПСС, т. 2, стр. 390.

⁷³ Цит. по тексту замечаний И. П. Липранди «О лекциях по всеобщей истории», Отдел рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина, ф. ОИДР, № 221/2, лл. 71 об. — 72 об. Записки Ф. Лоренца в числе других, найденных у петрашевцев, были отправлены в Секретный комитет по делам печати, который в августе 1849 г. рекомендовал военному министру отстранить Лоренца от преподавания, а его учебник — «Руководство по всеобщей истории» — запретить во всех учебных заведениях.

Как эти элементы античного республиканизма стойко держались в школьном преподавании, можно судить по учебному сочинению Е. Ламанского «Рим», в котором находим восторженные хвалы римлянам времен республики за «любовь к свободе». «Свобода была единственной целью граждан, и всегда защищали они ее до последней капли крови. Римляне не знали страха в минуту опасности; тогда каждый гражданин являлся великим для спасения отечества»⁷⁴.

Что касается истории России, то дворянская историография в лице Н. М. Карамзина, Н. Г. Устрялова и других столпов официальной науки прямо внушала тезис о «благотворном влиянии монархизма на судьбы России»⁷⁵.

Вариант дворянской историографии, представленный М. П. Погодиным, создавал опору для реакционной теории официальной народности. Однако элементы политического свободомыслия обильно порождались самим материалом преподавания русской истории, противоречием между славословиями официальной историографии и тщательно скрываемыми ею, но широко известными в обществе фактами, разоблачавшими отвратительную изнанку истории династии, быт императорского двора, интриги высокопоставленных правителей. В воспоминаниях К. Д. Кавелина рассказано, как посвятил его в эти факты, сразу уничтожавшие лживую лакировку русской истории, студент Белинский, дававший ему уроки⁷⁶. Над этой «скучной старой» ложью исторических книг насмехался в своем дневнике 40-х годов правовед В. Философов⁷⁷.

К числу острых политических тем, обходившихся официальными программами, принадлежал, например, вопрос об исторических взаимоотношениях царской власти и выборных учреждений, — т. е. проблема ограничения самодержавия. Чернышевский, получив на выпускном экзамене у Устрялова тему о междоусобице, намеренно «распространялся невпопад» по вопросу об ограничительных условиях избрания Романова, к удовольствию своих товарищей⁷⁸.

Студенты охотно читали книгу Луи Блана «История 10-ти лет», критически сравнивая то, что он писал о русской монархии, с лживой апологетической книгой Н. Устрялова «Историческое обозрение царствования государя императора Николая I» (1847), отредактированной самим царем⁷⁹.

Стремление внести критический публицистический элемент в изложение русской истории проявлялось даже в стенах Казанской духовной академии, где читал лекции молодой Г. З. Елисеев, будущий соратник Чернышевского, Некрасова, Салтыкова. Так, в 1852 г. Елисеев начал свой курс церковной истории вступительной лекцией «о жизни привилегированных классов в России, о горемычном житье народа и о крепостном праве, — предмете тогда еще положительно запрещенном». Эта лекция была с энтузиазмом встречена его слушателями⁸⁰.

Передовые учителя истории стремились расширить рамки преподавания и заставить учащихся критически относиться к внушаемым им в обязательном порядке положениям официальной историографии. Преподававший в кадетских корпусах П. И. Белецкий строил уроки в форме тематических

⁷⁴ ФЦГВИА, ф. 9, д. 55, 1849, ч. 49, л. 25. Учебные тетради Е. И. Ламанского, учившегося во Второй гимназии, а затем в Лицее, относятся к 1841 и 1842 гг. Сочинение «Рим» в извлечениях, сделанных Липранди, было опубликовано в «Полярной Звезде» (кн. 7, Лондон, 1861).

⁷⁵ ФЦГВИА, ф. 9, д. 55, 1849, ч. 50, лл. 7—8 об. Выражение преподавателя истории П. И. Белецкого.

⁷⁶ К. Д. Кавелин. Собр. соч., т. III, СПб., 1904, стр. 1081. Воспоминания о В. Г. Белинском.

⁷⁷ См. А. В. Тыркова. Указ. соч., стр. 52.

⁷⁸ См. Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. I, М., 1939, стр. 375.

⁷⁹ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 333—336. Заметки студента Г. П. Данилевского.

⁸⁰ Г. З. Елисеев. Соч., т. I, стр. 13.

проблем, по которым давал «двоякое изложение по Карамзину и по Соловьеву», т. е. сопоставлял концепции дворянской и передовой буржуазной историографии⁸¹. Белецкий хвалился своими учениками, говоря, что возбудил в кадетах «любопытность своим методом преподавания» по программе Ростовцева, т. е. фактически методом обхода этой программы, и что «они уже начинают сами доходить до подробностей событий»⁸².

Петрашевец Ф. Толь, читавший историю в школе военных кантонистов, представил своему начальству записку о необходимости расширения почти вдвое учебного времени, отводимого на русскую историю, за счет всеобщей истории. Предложенное им расширение программы за пределы узкой хронологии имело в виду возможность критического освещения событий. Сообщая Антонелли об успехе своей записки, Толь прибавил, «что, разумеется, он будет читать историю по самой ортодоксальной книге, но что будет рассказывать ее сообразно с планом общества», т. е. в демократическом духе⁸³.

Одним из существенных предметов, предназначенных для подготовки будущих государственных чиновников, была политическая экономия. Господствовавшие в Западной Европе теории вульгарной буржуазной экономики — России, Сея, оправдывавшие капиталистическую эксплуатацию, были приняты и в русских казенных учебных программах. Но в условиях обостренного интереса русского общества к социальным вопросам в апологетические курсы политической экономии также врвался свежий ветер общественной жизни.

В воспоминаниях современников общим хором звучит признание, что в 40-х годах политическая экономия была одним из наиболее увлекательных предметов преподавания, поскольку самое содержание курса затрагивало жизненные вопросы, давало толчок к самостоятельному размышлению. Уже в школе разночинская молодежь воспринимала социальные антагонизмы, на своем опыте переживая сословное неравенство. В. В. Стасов выделял политическую экономию, как один из наиболее любимых курсов в Училище правоведения. Любопытно, что он ставил лекции по политической экономии (читавшиеся Уткиным) в один ряд, по живости восприятия их молодежью, с таким предметом, возбуждавшим еще более «жгучий» интерес, как судебная медицина. Интерес к политической экономии вызывался тем, что здесь речь шла о человеческих «страстях», т. е. о вопросах, прямо связанных с социологией⁸⁴.

Большим успехом у учащихся пользовался рядовой экономист вульгарной школы И. А. Ивановский, читавший политическую экономию и статистику в Лицее, университете, Пажеском корпусе и других учебных заведениях. Его лекции по статистике нравились, так как они были наполнены «любопытными фактами, цифрами, сравнениями» и пересыпаны «аттической солью острого словца или анекдота»⁸⁵.

Разбуженная мысль молодежи искала пищи в самостоятельном чтении иностранной экономической литературы. Особо притягательную силу имели различные школы утопического социализма. Эта литература была широко распространена в России 40-х годов. А. М. Унковский вспоминал, что «не было ни одной запрещенной иностранной книги, которая не появилась бы в Лицее у малышей 14—15 лет». К. К. Арсеньев свидетельствовал, что лицейская молодежь продолжала читать Фурье, Сен-Симона, Луи Блана

⁸¹ ФЦГВИА, ф. 9, д. 55, 1849, ч. 50, лл. 30б, 5—6.

⁸² «Дело петрашевцев», т. II, М.—Л., 1941, стр. 189.

⁸³ Там же, т. III, стр. 423.

⁸⁴ В. В. Стасов. Избр. соч. в трех томах, т. 2, стр. 367—368.

⁸⁵ См. А. Н. Яхонтов. Воспоминания царскосельского лицеиста. «Русская старина», 1881, № 10; К. Веселовский. Воспоминания о некоторых лицейских товарищах. М. В. Бутаевич-Петрашевский. «Русская старина», 1900, № 9, стр. 449—456.

даже после дела петрашевцев. М. И. Венюков писал о распространенности среди студентов университета начала 50-годов сочинений Леру, Консидерана, Луи Блана, в которых они искали «настоящей науки»⁸⁶.

На фоне консервативных буржуазных экономистов этого времени резко выделялся В. С. Порошин, с 1835 г. читавший политическую экономию и статистику в Петербургском университете и выжитый оттуда реакционным начальством в 1847 г. Независимость поведения, большое влияние на слушателей и прогрессивность взглядов характеризуют деятельность Порошина. Сохранившаяся в бумагах петрашевца А. В. Ханькова студенческая запись десяти лекций учебного курса Порошина в 1845/46 г. (лекции его не были изданы) имеет большую ценность, дает представление о духе его преподавания⁸⁷.

Порошин излагал свой предмет не догматически, а критически, обсуждая и оспаривая мнения противников. Он пропагандировал идеи экономического либерализма, доказывая необходимость решительной европеизации русской жизни и уничтожения средневековых сословных учреждений и крепостнических порядков, выдвигая идеал буржуазно-демократического порядка и режима «личной свободы»⁸⁸. Он открыто выступал против «гражданских учреждений», «узаконявших неравенство». Если люди не властны в неравенстве природном, то неравенство, которое порождается произвольными действиями людей и влиянием гражданских учреждений, говорил Порошин, «зависит от нас и, следовательно, лежит на нашей ответственности».

Порошин впервые с университетской кафедры подробно изложил учение Фурье, с сочувствием освещая те его стороны, которые считал приемлемыми с точки зрения буржуазного реформизма. Отметив, что фаланстеры могут предпринимать «общую дружную силою» гармонического труда великие и трудные дела, которые обогатят общество и преобразуют шар земной, он заключал: «Очевидно, что в этих гипотезах и мечтаниях есть нечто грандиозное и не чуждое истины».

«Опровержения» социалистических теорий в устах Порошина внушали интерес и сочувствие к ним. Он указывал название фурьеристского журнала и литературу о социализме. Он давал слушателям представление о борьбе политических партий, стремящихся «к уничтожению существующего», в том числе о принципах «учения коммунистов», преследуемого законами, которые охраняют существующий порядок и право собственности.

Понятно, какое действие оказывали подобные лекции. П. Ламанский, слушавший Порошина, показывал: «Занимаясь политической экономией и слыша и читая только опровержения или возражения против Фурье и социалистов, естественным образом я старался познакомиться с их произведениями». Председатель комиссии по разбору бумаг петрашевцев А. Ф. Голицын писал по поводу найденных лекций Порошина, что они «доказывают вредное направление, даваемое учащимся через занятие ума и воображения их подробным философским разбором теорий о социализме и коммунизме ... в выражениях соблазнительных часто выставяя

⁸⁶ «Записки Алексея Михайловича Унковского». «Русская мысль», М., 1906, № 6, стр. 186; М. Е. Салтыков (Н. Щедрин). ПСС, т. I, СПб., 1900, стр. 25 (К. К. Арсеньев. Материалы к биографии Салтыкова-Щедрина); М. И. Венюков. Указ. соч., кн. I, стр. 147.

⁸⁷ См. ФЦГВИА, ф. 9, д. 55, 1849, ч. 13, лл. 36—47 об. и 24—35 об. Большие отрывки из лекций В. С. Порошина опубликованы В. И. Семевским («М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы», ч. I, М., 1922, стр. 32—37).

⁸⁸ См. А. М. Левитов. Вопросы политической экономии в кружках петрашевцев (к истории экономической мысли в России в 40-х годах XIX в.). «Ученые записки Ростовского и-Д. финансово-экономического института», т. I, Ростов-на-Дону, 1941, стр. 21—25. По мнению автора, в конце 40-х годов Порошин проявлял сочувствие к землевладельческой аристократии английского типа. Вряд ли можно так категорически утверждать это.

благодетельную цель систем, влекущих к ниспровержению всякого законного порядка»⁸⁹.

Лекции Порошина, несомненно, давали толчок самостоятельной работе мысли.

В руках передового преподавателя казенный курс политической экономии мог послужить средством для политического просвещения молодежи, прояснения общественных противоречий в окружающей действительности. Большим мастером такого преподавания был петрашевец Ф. Л. Ястржембский. Исключительно интересны воспоминания об уроках Ястржембского М. И. Венюкова, его слушателя по Дворянскому полку, где Ястржембский читал статистику в офицерских классах. Согласно с программой Ястржембский излагал в виде краткого введения общие основания политической экономии. «Этими краткими основаниями,— писал Венюков,— он умел великолепно пользоваться, чтобы возбудить в нас ...глубокое негодование на общественные порядки, при которых бедный и слабый сполна принесены в жертву сильному и богатому. Он делал это так ловко, что на экзамене, в присутствии начальства, ни один не проговорился бы против положений ортодоксальной смитов-сэвской школы, а в глубине души мы страдали от сознания несправедливости этих положений». Ястржембский возбуждал в умах юношей множество вопросов, намеренно оставляя их без прямых ответов, чтобы заставить искать их самостоятельно, «в глубине совести». Заявления Ястржембского «с чуть заметным сарказмом» о том, что «по науке и закону бедность есть порок» и что «он чувствует себя кандидатом в преступники всякий раз, когда у него в кармане остается всего один четвертак», возбуждали к «самомышлению» даже самых умственно сонливых людей⁹⁰. Возбудив любопытство юношей, которые начинают требовать «гораздо больших пояснений», «он иногда желания эти исполняет и затем... внезапно с лукавой оглядкой останавливается, присовокупляя вполголоса: «ах, господа, я с вами заболтался, пожалуй меня с вами свяжут; более объясню в другое время»,— указывалось в одном из доносов по поводу лекций Ястржембского⁹¹.

Мастерски владея иронией, Ястржембский своими парадоксальными замечаниями «между строками» разрушал в умах слушателей «навязанные авторитетом догматы положительного права и казенной морали». «В нашей маленькой среде,— вспоминает Венюков,— он производил почти то же действие, что на более обширном поприще Герцен которого «Записки доктора Крупова» были тогда в огромной славе...»⁹².

Критическая струя, проникавшая в преподавание политической экономии в 40-х годах, проявлялась в отношении студентов к реакционным экономистам типа И. Я. Горлова, автора многих экономических учебников. М. И. Венюков, посещавший Петербургский университет в 1852—1854 гг., отмечал, что Горлова уже никто не слушал, так как все знали, что он «эхо властей и искажитель настоящей науки»⁹³.

Борьба нового со старым, проходившая через школу 40-х годов, являлась по существу борьбой двух культур, демократической и реакционной. Разумеется, приведенные факты далеко не исчерпывают того нового, что вносилось общественной борьбой в стены школы. Вместе с тем не следует преувеличивать реальную силу этого нового, забывать, что оно было запрещенным, гонимым, доходило и оказывало воздействие лишь на некоторую часть молодежи.

Чрезвычайно характерно, что одним из наиболее доступных путей проникновения в школу новых демократических идей, вытеснявших бессозна-

⁸⁹ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 327—328.

⁹⁰ М. И. Венюков. Указ. соч., кн. I, стр. 103.

⁹¹ ЦГИАМ, ф. III отделения, I эксп., д. 214, 1849, ч. 16, л. 1 об.

⁹² М. И. Венюков. Указ. соч., кн. I, стр. 104, 105.

⁹³ Там же, стр. 147.

тельное, некритическое отношение к окружающему крепостническому миру, было преподавание литературы.

Не случайно, что деятельность крупнейшего идеолога революционной демократии 40-х годов Белинского сосредоточилась на поприще литературной критики. В условиях того времени в литературе всего отчетливее бился пульс общественной жизни. Русская передовая литература в лице поэтов-декабристов, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Гоголя, Герцена, Некрасова, Достоевского, Тургенева, Салтыкова, а также молодых писателей гоголевской школы была могучим источником жизненных впечатлений и помогала критическому восприятию действительности. Разъясняя типические образы литературы, Белинский анализировал и судил русскую социальную действительность и тем поднимал литературную критику на уровень общественно-политической борьбы. С начала 40-х годов Белинский стоял на революционно-демократических позициях, оказывая огромное идейное влияние на складывающийся лагерь революционной демократии. Это влияние открыто врывалось в школу 40-х годов, уничтожая авторитет рутинеров, которые пытались отгородиться от новой литературы.

В 40-х годах впервые появляется тип преподавателя русской словесности — просветителя, связывающего историю литературы с философскими и общественными вопросами. Видным словесником просветителем этого времени был И. И. Введенский, преподававший в Дворянском полку и объединявший вокруг себя группу передовых учителей. Он считал себя первым положившим начало историческому направлению в своей науке⁹⁴. Введенский вводил в свои лекции материал, возбуждавший интерес к революционным общественным течениям. М. И. Венюков рассказывал, например, как Введенский развивал тему об энциклопедистах XVIII в. и их влиянии на русскую литературу. «Вольтер, Дидро, Даламбер, Руссо, Гельвеций, Гольбах и другие являлись официально «разрушителями», как у Смарагда; но *privatim* разрушительные их теории были изложены так, что было ясно, что они восстановители человеческих прав, люди, которых чтит сами великие государи... а сажали в Бастилию только ничтожности, вроде Людовика XV». Любопытство к изучению энциклопедистов «было подчеркнуто как нельзя лучше, хотя и не удовлетворительно, так как этого не допускала программа», но учащиеся уже сами нашли источники для ближайшего ознакомления с заинтересовавшими их учениями⁹⁵. Введенский знакомил своих слушателей и с текущей радикальной журналистикой: так, в 1847 г. он читал им антирелигиозную статью А. Галахова «Записки человека»⁹⁶.

Буржуазные исследователи отрицали «крайние» убеждения Введенского⁹⁷. «Крайних» взглядов Введенский, конечно, не мог высказывать в той обстановке, в которой ему приходилось работать, но его большое влияние на развитие демократического сознания своих слушателей несомненно.

В таком же духе действовала плеяда передовых учителей словесников, близкая к литературной среде: друг Белинского — А. А. Комаров, беллетрист Е. П. Гребенка, товарищ Гоголя Н. Я. Прокопович и другие. Они знакомили учащихся с творчеством Гоголя, не входившим в учебные программы, читали им неизвестные эпиграммы Пушкина, литературные новинки, иногда еще не опубликованные, как «Демон» Лермонтова, вносили в школу атмосферу литературных интересов. Эти преподаватели не только своими уроками и задаваемыми сочинениями поднимали умственный

⁹⁴ Так он писал 5 апреля 1849 г. в объяснении на поступивший на него донос. (П. Гусев. Иринарх Иванович Введенский. Эпизод из его жизни. 1849. «Русская старина», 1879, № 8, стр. 743.)

⁹⁵ М. И. Венюков. Указ. соч., кн. I, стр. 107.

⁹⁶ А. Д. Галахов. Мое сотрудничество в журналах. «Исторический вестник», 1886, № 11, стр. 330.

⁹⁷ В. Богучарский. И. И. Введенский по его письмам. «Русский архив», М., 1901, кн. II, № 5, стр. 97.

уровень учащихся, но и следили за их индивидуальным развитием, снабжали книгами⁹⁸. Е. Гребенка, обратив внимание на любовь кадетов к песням, разобрал с ними критически солдатские песни тогдашних рукописных песенников и советовал не петь вздор, а перейти к русским народным песням и к песням Дениса Давыдова. «Осмеянные им песни навсегда исчезли из наших песенников», вспоминал один из его учеников⁹⁹.

Преподаватель Училища правоведения И. Н. Вышнеградский сверх программы знакомил учеников с Тургеневым, осторожно подчеркивая господствующую черту «Записок охотника» — отвращение автора к крепостному праву¹⁰⁰.

Учитель словесности А. П. Милюков написал книгу «Очерк истории русской поэзии» (1847), в которой основное внимание уделялось сатирическому направлению. Представитель идеалистической эстетики университетский профессор П. А. Плетнев отзывался об очерке Милюкова как о «плодах учения Белинского», «экстракте всего, что печатано было о русских поэтах в „Отечественных записках“»¹⁰¹. Милюков остроумно использовал образы передовой литературы в целях борьбы с религиозными предрассудками учащихся: читая им описание характера Чичикова, он от себя прибавил, что Чичиков «в училище выбегал всегда из класса, видя проходящего законоучителя, под благословение», после чего уже никто из его учеников не стал этого делать¹⁰².

Несмотря на запрет, лежавший с 1848—1849 гг. на имени Белинского, основные идеи Белинского прочно вошли в школьное преподавание даже в далекой провинции. Г. Н. Потанин, окончивший Омский кадетский корпус в 1852 г., рассказывал о преподавателе Костылецком, который читал историю русской литературы по критическим статьям Белинского (в чем Потанин убедился, конечно, много позднее)¹⁰³.

Современники единогласно свидетельствуют об огромном влиянии Белинского на учащуюся молодежь. Оно проникало в глухую Воронежскую семинарию, где в начале 40-х годов учился поэт-разночинец И. С. Никитин, в Нижегородскую семинарию, где в конце 40-х годов учился Добролюбов. Оно проникало и в дворянские привилегированные училища. Быть сторонником Белинского — это означало стать на его общественно-политические позиции, ополчиться против рутины и реакции. Салтыков, вспоминая о своих лицейских годах, писал, что хотя высказывать «вкус к мышлению» «можно было только втихомолку и под страхом более или менее чувствительных наказаний», тем не менее лицеисты «усердно следили за тогдашними русскими журналами, пламенно сочувствовали литературному движению 40-х годов и, в особенности, с горячим увлечением относились к статьям критического и полемического содержания. То было время поклонения Белинскому и ненависти к Булгарину. Мир не видал двух других людей, из которых один был бы столь пламенно чтим, а другой — столь искренно ненавидим»¹⁰⁴.

Студенты Казанского университета знали критические работы Белинского целыми страницами почти наизусть. Когда передовой профессор юридического факультета Д. И. Мейер раскрыл студентам автора этих неподписанных критик и рассказал им с большим увлечением, что за человек был Белинский и какое значение имеет он для русской литературы, то

⁹⁸ А. Комаров в день похорон Пушкина рассказал своим ученикам в Лесном институте о дуэли и смерти поэта (Н. В. Шелгунов, Воспоминания, М.—Пг., 1923, стр. 52—53). Об отношении кадетов к Комарову см. П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары, Пг., 1917, стр. 153, а также воспоминания М. С. Лелюхина, в кн. «Исторический очерк Второго кадетского корпуса», 1912, стр. 419—426.

⁹⁹ А. С.-ский. Воспоминания об Е. П. Гребенке. «Исторический вестник», 1899, № 9, стр. 825.

¹⁰⁰ Воспоминания К. К. Арсеньева об Училище правоведения, стр. 210.

¹⁰¹ «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. III, СПб., 1886, стр. 140.

¹⁰² «Дело петрашевцев», т. I, стр. 411. Показание Ф. Н. Львова.

¹⁰³ Г. Потанин. Указ. ст., стр. 257.

¹⁰⁴ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). ПСС, т. II, Л., 1934, стр. 415.

это послужило началом сближения студентов с Мейером и последующего его влияния на слушателей¹⁰⁵.

Замечательно определил влияние Белинского на молодежь В. В. Стасов, учившийся в Училище правоведения в конце 30-х — начале 40-х годов. Белинский был, писал он, «решительно нашим настоящим воспитателем. Никакие классы, курсы, писания сочинений, экзамены и все прочее не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский, со своими ежемесячными статьями. Мы в этом не различались от остальной России того времени. Громадное значение Белинского относилось, конечно, никак не до одной литературной части: он прочищал всем нам глаза, он воспитывал характеры, он рубил, рукою силача, патриархальные предрассудки, которыми жила сплошь до него вся Россия. ...Мы все — прямые его воспитанники»¹⁰⁶.

Большой популярностью у молодежи пользовались философские статьи Герцена. Студенты гурьбой ходили в кондитерские читать их в книжках «Отечественных записок». «Молодежь не только в университете и лицее сильно читала мои статьи, — писал об этом Герцен, — но и в духовных учебных заведениях», на что московский митрополит Филарет даже жаловался попечителю Строганову¹⁰⁷.

Петрашевец В. А. Энгельсон, в начале 50-х годов собиравшийся посвятить Герцену задуманное им политическое сочинение, рассказал в своем посвящении, какое сильное влияние испытал он в юности при чтении статьи «Дилетантизм в науке». Эта статья отвлекла его от мыслей о самоубийстве. Новая жизнь раскрылась перед ним; он жадно искал и читал произведения Герцена, думал над поднятыми в них вопросами; в нем родились революционные настроения, желание мести царизму за народ¹⁰⁸.

Горячо любил Герцена молодой Чернышевский. По просьбе петрашевца А. Ханькова он пытался доставать для него старые номера «Отечественных записок» с «Письмами об изучении природы»¹⁰⁹.

Влияние передовой русской литературы и воинствующей публицистики Белинского и Герцена проникало в реакционную школу как струя демократической культуры. Современники ясно ощущали эту борьбу двух культур. П. В. Анненков отмечал, что в казенных училищах и корпусах, бок о бок с утвержденной программой преподавания, образовалась «другая, невидная струя преподавания», смывавшая в молодых умах все, что заносилось в них «схоластикой, педантизмом, рутинной, стародавними преданиями и благонамеренной прикрасой»¹¹⁰. П. П. Семенова-Тян-Шанского, который учился в привилегированной дворянской Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, поражало полное несоответствие официальных программ и составленных по ним учителями литографированных записок с «живым, прекрасным преподаванием», в котором с этими записками «ничего общего не было»¹¹¹.

На идейное формирование молодежи влияла также живая традиция революционного героизма декабристов. Память о декабристах жила в устном предании, их история предполагалась известной не только всем образованным людям, но и солдатской массе. Петрашевец Н. П. Григорьев в своей «Солдатской беседе» вкладывал в уста солдата воспоминания о «кормильцах наших защитниках», находящихся в Сибири¹¹². Молодежь 40-х годов с глубоким интересом знакомилась с этой традицией, искала

¹⁰⁵ П. П. Пекарский. Студенческие воспоминания о Д. И. Мейере. Сб. «Братчина», СПб., 1859, стр. 215—216.

¹⁰⁶ В. В. Стасов. Указ. соч., т. 2, стр. 384.

¹⁰⁷ А. И. Герцен. Былое и думы, т. I, Academia, 1932, стр. 489.

¹⁰⁸ Архив Института русской литературы АН СССР, разр. I, т. 5, д. 27, письмо Энгельсона Герцену, № 1, Приложение. См. также «Всемирный вестник», 1907, № 1, стр. 67.

¹⁰⁹ Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. I, стр. 265.

¹¹⁰ П. В. Анненков. Литературные воспоминания, Л., 1928, стр. 171.

¹¹¹ П. П. Семенов-Тян-Шанский. Указ. соч., стр. 151—152.

¹¹² «Дело петрашевцев», т. III, стр. 236.

сведений о декабристах. Сестра декабриста Е. А. Бестужева вспоминала «бойкого, пытливого» студента Петрашевского, который «выведывал от нее все»¹¹³. Среда, окружавшая петрашевцев, могла многое дать им в этом смысле. На руках отца Петрашевского умер раненный на Сенатской площади генерал-губернатор Милорадович. Семья офицера Д. Кропотова, посещавшего пятницы Петрашевского, была близка с семьей Рылеева¹¹⁴. Отец петрашевца Н. Кашкина декабрист С. Кашкин подвергался ссылке по делу декабристов. Молодежь доставала запрещенные стихи, письма, документы декабристов; эти списки ходили по рукам¹¹⁵. У офицера Н. Момбелли был найден сделанный им перевод стихотворения А. Мицкевича «Друзьям русским», посвященного декабристам. В следственном деле упоминаются побывавшие в руках петрашевцев: письмо С. Муравьева-Апостола брату Матвею, вызвавшее у Ахшарумова прилив ненависти к палачам декабристов¹¹⁶, печатные выписки, извлеченные из следствия 1826 г., список участвующих лиц. Конечно, в действительности этих документов могло быть много больше. Студент Чернышевский читал «письмо к царю» какого-то декабриста (вероятно, обозрение государственного строя, представленное Г. С. Батенковым в следственную комиссию), к которому он отнесся очень критически¹¹⁷.

Мы пытались показать как, вопреки направлению государственной крепостнической системы образования и воспитания, демократические идеи проникали в сознание молодежи конца 30-х—40-х годов. Часть формирующейся разночинской интеллигенции становилась на позиции, прогрессивные для того времени, представлявшие интересы буржуазного развития страны, некоторые из них оказывались носителями более радикальных идей. В силу исторических условий обслуживая крепостническое государство, лучшая передовая часть интеллигенции чутко воспринимала политические и социальные противоречия русской действительности. Массовое распространение антикрепостнической оппозиционной идеологии в 40-х годах было одной из предпосылок формирования революционно-демократического направления и консолидации революционно-демократического лагеря. Лагерь этот составлялся из тех, кто сознательно становился на сторону угнетенных народных масс, стремился к защите их интересов, готов был поддерживать их освободительную борьбу.

¹¹³ «Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, стр. 412—413.

¹¹⁴ См. Д. К. Кропотов. Несколько сведений о Рылееве. «Русский вестник», 1869, № 3. В Первом кадетском корпусе, где учился Рылеев, среди кадетов тайно сберегалась память о нем.

¹¹⁵ В Училище правоведения были в ходу песни декабристов (К. Победоносцев. Для немногих. Отрывки из дневника 1842—1845 гг., СПб., 1885, стр. 36—37). В дневнике конца 30-х годов В. Философов восхищался стихами А. Бестужева, мечтал отомстить за него, верил, что на месте Александровской колонны потомство воздвигнет памятник декабристам (А. Тыркова. А. П. Философова и ее время, стр. 49—50). У учителя Ф. Сережкова (44-х лет), привлекавшегося к допросу по делу петрашевцев, хранилась тетрадь со стихами, среди которых была запрещенная «Исповедь Наливайко» Рылеева (ФЦГВИА, ф. 9, д. 55, ч. 64, лл. 3 об.—4 об.).

¹¹⁶ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 141.

¹¹⁷ Н. Г. Чернышевский. ПСС, т. I, стр. 401.

